

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРУКТУРНО-ЦИКЛИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В.В. Лапкин

В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИОСОФСКОЙ ПРЕАМБУЛЫ

Сквозь всю многовековую историю России можно проследить драматическую коллизию, сопровождающую попытки ее политических лидеров и возглавляемой ими государственной машины найти решение извечного вопроса российской политики, связанного с настойчивой потребностью преодолеть пространственное отчуждение Руси – Московии – России от ведущих центров мировой экономики, политики и культуры, с потребностью сформировать устойчивые каналы взаимодействия с этими центрами и восприятия идущих от них цивилизующих импульсов. Вся российская история пронизана этими идущими из разных источников импульсами, будь то воспринятые от варягов и Царьграда первоосновы государственности или – от византийской церкви – религия и письменность, будь то – столетиями позже – наново усвоенные от Орды навыки государственного управления и военной организации, будь то опыты Голландии и Пруссии, вдохновлявшие российских императоров XVIII в. на подвиги заимствования или ученичества (а порой и на откровенное малопродуктивное подражание), будь то, наконец, опыты российского «самобытного» прочтения марксизма и неолиберализма, составившие идеологическую основу российских революций начала и конца XX столетия.

Однако продолжительность периодов, в течение которых сохранялись эффективные каналы восприятия этих цивилизующих импульсов, всякий раз оказывалась недостаточной для органического усвоения их фундаментального содержания. Более того, очень скоро в воспринимающей их «автохтонной» среде возбуждалась реакция отторжения. В итоге эти периоды преодоления пространственных ограничений развития пресекались и сменялись длительными периодами культурной изоляции и хозяйственной автаркии. Многократная повторяемость в отечественной истории периодов устойчивого взаимодействия с ведущими мировыми центрами и периодов самоизоляции побуждает к формированию гипотезы о ритмах политической истории России, ритмах ее «раскрытия миру» и нового «окукливания».

Этот принципиально неустойчивый, по сути – чреватый катастрофами механизм циклического развития российского государства и общества стал инвариантом российской политической истории, характеризующим чередование в ней полярных ориентаций: то – на ученичество и культурное

заимствование у чужеземцев — вплоть до самоуничужения, а то — на самобытное и самодостаточное существование, убаюкиваемое мифами о собственной исключительности.

Эффект цивилизующего внешнего воздействия всякий раз сильно варьировался, будучи зависимым от реального культурного потенциала той цивилизации, которая в данном случае выступала в качестве эталона, “образца” для подражания и заимствования. А само оно подразумевало не только так наз. социокультурные интервенции, но и интенсивное вторжение в политико-экономическую сферу, преобразование форм ее государственности и обновление механизмов мобилизации ресурсов.

Отмечу, что устойчивая ориентация России на западноевропейскую традицию мирового лидерства обозначилась лишь начиная с реформ Петра I, т.е. с конца XVII в. До этого в качестве образцов политического и культурного развития Руси — Московии фигурировали и Османская империя (XVI в.), и Орда (XIII — XIV вв.), и Византия (X — XII вв., а также, отчасти, XV в.), и Хазарский Каганат (IX — X вв.).

При этом лишь в случае Византии X — XII вв. можно говорить (и то с известной осторожностью) о том, что выбор Руси оказался сориентирован на реального мирового лидера той исторической эпохи. По-видимому, именно это обстоятельство и определило столь поразительное соответствие Киевской Руси, особенно в период ее расцвета, современным ей образцам римско-европейской государственности. В остальных случаях вторичность воспринятых Русью — Россией институциональных форм и культурных стереотипов обуславливала неорганичный характер российского развития, сориентированного на ложные и неадекватные своему времени цели. Поэтому нередко очередной рывок к цивилизации устремлял Россию в направлении, противоположном «магистральному», общемировому вектору развития.

Этот парадоксальный феномен российской политической истории — склонность к самоотверженным порывам в ложном (или, по крайней мере, сомнительном) направлении — характерен не только для «времен былинных», но воспроизводится и после того, как Россия необратимо интегрировалась в европейскую политику (т.е. и после XVII в.). Пожалуй, лишь Петру Великому гениальным образом удалось «разобраться» в хитросплетениях европейской политики и сориентироваться на опыт наиболее перспективных ее центров — Англии и Голландии. Фундаментальный инновационный потенциал заимствований этого периода на многие десятилетия определил европейский вектор политики и культуры России. Однако интуиции Петра I не имели системной основы и не получили воплощения в последовательной и рациональной внешнеполитической стратегии. В последующие исторические периоды лидеры России предпочитали «уроки французского, ...прусского, ...германского», эти своего рода уроки любви-ненависти, и с опаской и недоверием относясь к возможностям прагматического сближения с реальными мировыми лидерами (с Великобританией XVIII — XIX вв., США — в конце XIX — XX вв., Японией — во второй половине XX в. —

начале XXI в.¹⁾), по сути пренебрегали их уникальным опытом хозяйственного и социально-политического обустройства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ СТРУКТУРНО-ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Историческая обреченность России на решение фундаментальной проблемы освоения «внутренних пространств» варварской, неприобщенной к цивилизации Евразии — причем в условиях острого дефицита наличествующих у государства политических, хозяйственных и демографических ресурсов — определила своеобразную имперскую форму ее исторического развития, равно как и особую роль государства, дисциплинирующего общество во имя геополитического «выживания», мобилизующего и монополично распоряжающегося для этого всей совокупностью наличествующих общественных ресурсов. Подчеркну два взаимосвязанных и взаимодополняющих аспекта проблемы. Это, во-первых, аспект функциональный, обусловленный стратегической необходимостью «освоения» или, точнее, «переработки» натуральных укладов и ресурсов этих «внутренних пространств» в форму, позволяющую включить их в оборот так наз. международного (с XVI в. — мирового) рынка. И, во-вторых, — аспект организационный, связанный с потребностью в формировании и поддержании в работоспособном состоянии социально-политического механизма соответствующей колонизации этих «внутренних пространств». Цикличность, чередование полярных ориентаций политики является важнейшим элементом этого последнего, благодаря чему эффективно разрушаются все «косные», традиционные общественные институты, укорененные на этих пространствах.

Соответствующую государственную форму точнее всего было бы назвать особым рода «вторичной империей», прежде всего в том смысле, что ее цивилизующая миссия (по отношению и к внутреннему, и к окружающему варварским пространствам), распространяемые ею вовне властные импульсы (*империумы*) оказываются принципиально не самодостаточными, как правило лишь транслирующими (причем, с большими искажениями и упрощениями) правовые, культурные и бытовые нормы ведущих мировых центров, таких как Византия раннего Средневековья, Орда XIV-XV вв. или Запад Нового времени. В историческом масштабе времени они

¹ В этом ряду Япония представляет собою несколько особый случай, нуждающийся хотя бы в кратком пояснении позиции автора. Известно, что с начала 1990-х годов Япония, дотоле рассматриваемая как наиболее динамично развивающийся новый мировой лидер, все более явно демонстрирующей свои претензии стать основным конкурентом старому лидеру — США и потенциальным восприемником глобального лидерства, вошла в длительный период стагнации и сегодня мало кем рассматривается в этом прежнем своем качестве потенциального лидера. Основным конкурентом США в ближайшей перспективе сегодня видят Китай. Однако Китай бросает вызов Западу не как потенциальный восприемник традиции лидерства глобальной капиталистической мир-экономики, а как держава, предлагающая миру глобальную альтернативу этой западной традиции. Напротив, Япония, выходя из кризиса, и в начале XXI в. остается единственным шансом Запада на некий синтез преемственности и инноваций, позволяющий преодолеть тенденции его социокультурной самоизоляции, а вместе с тем, сделать Восток и другие незападные регионы мира полноценными и полноправными участниками западного проекта Современности. В этом смысле потенциал Японии как мирового лидера раскрыт еще далеко не полностью [см. также Тоффлер, Тоффлер 2008: 411-416; 474-492].

формировали характерные циклы освоения внутренних пространств Евразии (использующие практики внешней и так наз. «внутренней» колонизации). Эти циклы представляют собою закономерное чередования периодов восприятия и освоения накопленного передовыми державами политического и социокультурного опыта и периодов трансляции, распространения этого опыта на контролируемое российской державой пространство, или, иными словами, чередования фаз обучающегося полезным иноземным премудростям «рывка» и самодостаточной «релаксации»².

Отмечу принципиальную особенность двух этих полярных фаз российско-го развития, во многом определяющую специфику взаимодействия Руси — Московии — России с внешним миром в тот или иной период. Именно в «фазе рывка», т.е. интенсивного обучения и усвоения чужого опыта автохтонные ритмы российского развития преобладают над ритмами мировыми. Иными словами, именно тогда, когда Россия приступает к радикальному обновлению собственных социально-политических институтов и принципов устройства жизни путем заимствований во внешнем, окружающем ее мире, формируется устойчивый «самобытный цикл» ее развития. Автохтонная ритмика обеспечивает преодоление ограничений, навязываемых извне ритмикой развития доминирующего мирового лидера. Россия в этот период, образно говоря, идет в ученичество к более успешным народам, но учиться их премудрости предпочитает исключительно по собственному «плану» и, главное, в своем собственном ритме. В определенном смысле «фаза рывка» представляет собою своего рода квинтэссенцию *догоняющего развития по-российски* и позволяет России вновь и вновь решать казалось бы неразрешимую задачу: сохранять и воспроизводить традиционные формы властных отношений (так наз. самовластья), и вместе с тем, эффективно усваивать инновационный инструментарий, обеспечивающий конкурентоспособность российской власти в противостоянии с сопредельными центрами силы. Цена, которую в этой фазе всякий раз платит общество за очередной успех возрождающегося в новых обличьях самовластья, состоит в ускоренном разрушении традиционных социальных укладов и внедрении в социальную ткань чужеродных институциональных форм, поведенческих стереотипов и ценностных ориентаций.

Напротив, в «фазе релаксации», следующей за «фазой рывка», в российском историческом движении наблюдается своего рода затухание «собственных колебаний», падение интереса к самобытному прочтению чужеземных премудростей. В развитии страны начинают отчетливо проявляться ведущие «общемировые ритмы». Усвоив на предшествующем этапе новые формы политического устройства, прежде всего формы государственного правления и контроля над обществом, Россия-власть затем на длительное время «успокаивается», теряет свою былую «пассионарность» и трансформирует то, что прежде было полем отчаянных социально-политических экспериментов, в нечто свяшенно-неприкосновенное.

К примеру, насыщенная новациями эпоха петровских и екатерининских преобразований XVIII в. со времен Павла I и вплоть до правления

² О возможных методологических подходах к концептуализации перемен в сфере политического, основных понятиях и используемых метафорах см. [Лапкин 2002: 26-32].

Александра III сменяется периодом их неспешного «переваривания»³. Увоенные прежде формы, такие, например, как «русифицированный вариант» прусской модели государственной бюрократии и помещичье-крепостнического уклада, становятся теперь (т.е. с конца XVIII в.) на длительное время доминантой и идеалтипическим ядром новой порождающей модели российской государственности (своего рода *alter ego* российского самодержавия). При этом происходит медленное разложение элиты, как бы теряющей способность выработки новых эволюционных форм политической организации. Страна обретает неожиданную глухоту к поступающим извне импульсам политической эволюции. Единственным и все более одиноким, все более социально изолированным субъектом политических изменений в стране становится в этот период государство («единственный европеец», а в соответствующие периоды прошлого — «единственный золотоордынец», «единственный царьградец» и т.д.) — единственное олицетворение того внешнего образца, чья модифицированная копия определяет в данную эпоху внешний облик политического строя России.

Эта «фаза релаксации», эта адаптация навязанного Петром I порядка к социокультурным устоям Империи завершились аграрным, финансовым и политическим кризисом 1880-х годов, обозначившим новое колоссальное отставание России от ее «стратегических партнеров» на Западе и свергнувшим страну в очередную «фазу рывка», продолжающегося и по сию пору. Структурно эта текущая фаза очередного (на сей раз завершающегося) российского *рывка* может быть детально сопоставлена с предшествующими «петровско-екатерининским» (середина XVII — конец XVIII вв.) и «московским» (середина XIV — конец XV вв.) рывками. Для наглядности в приводимой ниже таблице представлены в сопоставлении, иллюстрирующим их структурное подобие, ключевые даты трех — «московского», «петровско-екатерининского» и нынешнего, завершающегося — рывков, а также составляющих их периодов (даты эти достаточно красноречивы и говорят сами за себя; тем не менее в примечании к таблице мы сочли возможным дать этим датам краткое, насколько возможно, пояснение).

³ На первый взгляд правление Александра II стоит в этом периоде особняком. Но стоит обратить внимание на природу связанных с его именем преобразований, осуществлявшихся отнюдь не в ситуации «неготовности общества к реформам», что было характерно для большинства реформ «фаз рывка» (XVIII или XX вв.), проведение которых поэтому сопряжено было с грубым насилием над подавляющим большинством общества. Напротив, в «фазе релаксации» реформы, проводимые властью, не опережают общественный запрос, а с запозданием отвечают на него в ситуации, когда у власти не остается иных возможностей противостоять внешним вызовам. Так реформы Александра II были следствием позора Крымской кампании, а «консенсусное» призвание Романовых на царство и сопряженные с этим реформы были в свое время — в соответствующей исторической фазе — следствием государственной катастрофы периода Смуты и иноземного управления. Но «энергетика» реформаторства в этот период слаба. Так, в середине XIX в. «крестьянский вопрос» давно уже перезрел в России, а сохраняющееся крепостное состояние значительной части населения стало вопиющим анахронизмом. Однако и эти давно уже назревшие реформы осуществлялись крайне непоследовательно, что обусловило глубочайший аграрный и политический кризис, в который вошла Россия с конца XIX в. и который потребовал в итоге (в последующей «фазе рывка») радикально-большевистских методов его разрешения. В то же время последовательно проведенные — почти одновременно с российскими — реформы в Японии после Реставрации Мэйдзи дали принципиально иной результат...

Структура трех последних «фаз рывка» российской политической истории

	«московский» рывок	«петровско- екатерининский» рывок	завершающий рывок
1 период	1353 – 1389 гг.	1653 – 1689 гг.	1881 – 1917 гг.
2 период	1389 – 1425 гг.	1689 – 1725 гг.	1917 – 1953 гг.
3 период	1425 – 1461(2) гг.	1725 – 1761(2) гг.	1953 – 1989 гг.
4 период	1461(2) – 1497 гг.	1761(2) – 1797 гг.	1989 – ...?... гг. (легко вычисляема)

Примечание к таблице. Во-первых, следует отметить, что «московский» рывок – не первый в российской истории. Ему предшествуют, по-видимому, еще два, один из которых обозначил в итоге распад Киевской Руси и одновременно – становление Владимиро-Суздальской Руси как нового самостоятельного центра силы. Другой – «порождающий рывок», природа и особенности которого требуют отдельного серьезного разговора. Даты, характеризующие их временную структуру, не столь очевидны, нуждаются в дополнительной пространной аргументации, и потому количественная характеристика их не может являться предметом данной краткой статьи. Что касается дат, приведенных в таблице, то будем исходить из того, что они, прежде всего, говорят сами за себя. Итак:

1353 г. – Смерть от чумы великого князя московского Симеона Ивановича (Гордого) с семьей, а также митрополита Феогноста. Начало великого княжения Ивана II Ивановича (Красного), отца Дмитрия Ивановича (Донского).

1389 г. – Смерть великого князя Дмитрия Ивановича (Донского). Василий I Дмитриевич вступил в великое княжение по завещанию отца без санкции Орды.

1425 г. – Смерть Василия I Дмитриевича. Василий II Васильевич вступил в великое княжение, будучи втянут в междоусобную войну за московский престол.

1461(2) г. – Смерть в 1462 г. великого князя Василия II Васильевича, начало княжения Ивана III (в 1461 г. скончались Борис Александрович, князь тверской, главный союзник ослепленного Василия II Васильевича, а также митрополит Иона).

1497 г. – Введен «Судебник» Ивана III – первый законодательный кодекс Русского централизованного государства, оформление системы крепостного права и пр.

1497-1653 гг. – «фаза релаксации».

1653 г. – Созыв последнего Земского Собора при Алексее Михайловиче, переход к новому режиму правления (Никон), начало раскола, присоединение Малороссии.

1689 г. – Отстранение от власти Софьи Алексеевны, начало соправления Ивана и Петра Алексеевичей под опекой Нарышкиных.

1725 г. – Смерть Петра I. Начало правление Императрицы Екатерины I.

1761(2) г. – Смерть в 1761 г. Елизаветы Петровны. Правление Петра III.

1762 г. — Указ Петра III о вольности дворянства, упразднение Тайной канцелярии, переворот Екатерины и низложение Петра III.

1797 г. — Коронация Павла I.

1797-1881 гг. — «фаза релаксации».

1881 г. — Убийство Александра II. Начало правления Александра III.

1917 г. — Февральская революция, отречение Николая II, октябрьский переворот.

1953 г. — Смерть Сталина, низложение Берии, возвышение Хрущева.

1989 г. — Выборы народных депутатов СССР, начало радикальных политических реформ.

...?... г. — Завершение исторического развития в логике сменяющихся друг друга «фаз рывка и релаксации». Радикальная смена парадигмы развития...

Четыре последовательных периода каждого из рывков формируют его внутреннюю структуру, раскрывающую логику эволюционного движения российской политики. Рассмотрим эту логику последовательной смены соответствующих периодов на примере нынешнего завершающего рывка. Называю его завершающим, поскольку ему суждено исчерпать ресурсы традиционно-имперского механизма российского самовластья и поставить в итоге страну перед неотвратимой дилеммой: окончательная и безусловная интеграция в сообщество современных государств, подобно тому, как, к примеру, это произошло с Германией после 1945 г., *или* полный и столь же окончательный государственный крах, подобно Византии в 1453 г.

Первый (начальный) период завершающего рывка (1881–1917 гг.) характеризуется попытками имплантации новейших организационных форм и образцов западного экономического и военно-технического прогресса непосредственно в ткань традиционной российской жизни. Эти попытки закономерно приводят к еще большему, теперь уже катастрофическому обострению социального кризиса и последующему перевороту всего строя российской жизни, имеющего целью радикально преобразовать Империю, приспособивая ее к поддержанию этих новейших форм в относительно исправном состоянии.

Так Россия вступает во *второй период* завершающего «рывка» (1917–1953 гг.), в ленинско-сталинский период «бури и натиска» (во многом структурно аналогичный «петровскому» — 1689–1725 гг.), когда путем решительного и беспощадного закрепощения общества, а равно всенародного самоотречения стране удастся решить двудеиную задачу: достичь нового экономического и военно-стратегического паритета с Западом и сформировать новое привилегированное служилое сословие, способное такой паритет поддерживать.

Смерть «вождя и учителя» (И. Сталина в 1953 г., равно как и Петра в 1725 г.), обозначающая вступление в *третий период*, круто меняет представления о смысле и результатах героических усилий предшествующей эпохи. Плоды трудов бескорыстного деспота — ревнителя государственных интересов достаются пигмеям, утратившим представления о замысле и целях эпохи и чем далее, тем более увлекаемым стихией своих частных, сиюминутных интересов. Весь *третий период* уходит на медленное «пробуждение» частного интереса у этого нового служилого сословия, и лишь когда этот про-

цесс охватывает по крайней мере основную его часть, оно оказывается способным к обретению своей «вольности». Но при всей кажущейся исторической бессмыслице этого периода, именно тогда в российском обществе происходит крайне важная метаморфоза: верховная власть Империи попадает во все большую зависимость от «новой элиты», которая постепенно обретает практически автономные источники индивидуального благополучия и всячески стремится закрепить их в неотъемлемой собственности.

Наконец, Россия вступает в последний, *четвертый период* «рывка», в предыдущий раз получивший наименование «екатерининской эпохи», а теперь — «эпохи рынка и демократии». В этот период цели развития страны требуют политического решения, совмещающего казалось бы несовместимое, а именно, формирования механизма реализации имущественных интересов новых элит и одновременно упрочения авторитарической политической власти. Этот исторический парадокс вновь разрешается тем же способом, что и во времена Екатерины II. Новое служилое сословие (позднесоветская номенклатура, равно как гвардия и дворянство второй половины XVIII в.), уже, казалось бы, претендующее на то, чтобы из подчиненного инструмента государства стать «сословием для себя», приводит к власти режим, который, после ряда внутренних метаморфоз, начинает последовательно восстанавливать политическую монополию верховной власти. В целом этот период, в середине которого мы сегодня пребываем, характеризуется сочетанием двух парадоксально сопряженных тенденций: расцвета «вольности» элиты и укрепления государственной бюрократической иерархии, увенчанной самодержцем (как в конце XVIII в.) или фигурой всенародно избранного президента, в коей сочетаются демократические институциональные формы и традиционалистское содержание самовластия (именуемого ныне персонализмом, о чем позднее), монополизирующего право политического решения.

Здесь есть смысл завершить изложение в логике структурных аналогий и абстрактных схем и обратиться к анализу того особенного, уникального содержания, которым характеризуется текущая эпоха эволюции российской государственности. Как было сказано выше, мы находимся посредине последнего, четвертого периода завершающего «рывка», неотвратимо влекущего Россию к окончательному краху Империи и самой имперской парадигмы развития, а вместе с тем, отрывающего перед ней — наконец-то — возможность органичного вступления в сообщество современных наций модернизированных государств. То ли — через мучительную стадию коллапса государственности как таковой и перехода на неопределенное время к режиму «внешнего управления», то ли — посредством в той или иной мере цивилизованного отторжения страной своего несовременного прошлого; конкретный путь решения этой проблемы зависит от нашего сегодняшнего и завтрашнего политического благоразумия.

ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПО-РОССИЙСКИ

Во избежание недоразумений поясню, наконец, причину, по которой я выше избегал характеризовать российское развитие XX столетия термином *модернизация*. Дело в том, что большую часть этого периода Россия прошла,

акцентируя свои усилия исключительно на индустриальных аспектах модернизации (форсируя урбанизацию и ликвидацию традиционных аграрных укладов, развивая крупную промышленность и необходимую ей социальную инфраструктуру и т.п.), но игнорируя при этом многие ключевые социально-политические и ценностно-культурные ее аспекты (а порою даже непосредственно разрушая фундаментальные предпосылки модернизации в этих важнейших сферах общественной жизни). Особенность этой *форсированной модернизации* в том, что, подготовленная радикальными преобразованиями российских реформаторов конца XIX столетия, она представляла и по-прежнему еще представляет собой наиболее яркий (сегодня — наряду с Китаем) пример последовательной реализации *альтернативной* господствующей в современном мире *стратегии политического и социально-экономического развития*. Не имея возможности детально аргументировать этот тезис, замечу лишь, что, во-первых, весь так наз. «советский период» Россия демонстрировала миру попытки (длительное время — безуспешные) формирования жизнеспособной альтернативы *обустройства индустриального общества на нерыночной основе*; а во-вторых, в постсоветский период эта принципиальная альтернативность ее развития сохранилась и будет сохраняться вплоть до окончания «завершающего рывка». Эпоха «рынка и демократии» демонстрирует нам успехи преимущественно в деле имитации современных социальных, экономических и политических институтов, а вместе с тем, массу удивительных парадоксов. Таких, например, как «капитализм» без среднего класса (который все еще «ищут» и собираются «выращивать»), без прочно укорененной среды мелкого бизнеса, без доступного банковского кредита и эффективных общедоступных механизмов капитализации доходов (капитализация у нас, как известно, осуществляется за пределами страны или с непременным участием зарубежных партнеров), без надежных правовых гарантий собственности (как опять же известно, рейдерство в современной России является одним из наиболее престижных и высокодоходных видов бизнеса). Вот такой капитализм. Об институциональной демократии — чуть позднее.

И тем не менее, характеризуясь качествами, столь, казалось бы, неадекватными ее истинной сущности, эта российская *модернизация* является таковой по своей функции, по своему историческому предназначению. Таков императив становления и развития России, диктуемый ей современным миром, предопределившим с конца XIX столетия ее место и роль в системе мировых центров политической и экономической силы [подробнее см. Лапкин, Пантин 1999; 2006]. Пребывая в этой своей ролевой функции глобального системного антагониста мировому лидеру (США), Россия вынуждена — под угрозой национального и социокультурного коллапса — решать проблему собственного приобщения к Современности. Такова суть нашей эволюционной задачи, но процесс нашего приготовления к ее окончательному решению еще не завершен, и в данный момент Россия находится, пожалуй, в наиболее драматическом положении, когда гигантский масштаб предстоящего едва ли соизмерим со всё еще сохраняющимися у нее ресурсами и возможностями. И исход этой исторической коллизии отнюдь не предreshен. Именно для того, чтобы оценить конкретные альтернативы

российского политического развития, мы вынуждены с метаисторического уровня абстракции спуститься на уровень локализованных во времени политических трансформаций сегодняшнего дня.

В ходе политико-институциональных трансформаций последних лет существенной ревизии подверглось содержательное наполнение возникших в постсоветский период политических институтов и практик (включая и действующую конституцию) [подробнее см. Лапкин, Пантин 2007]. По сути дела был пройден еще один важный этап адаптации исходного персоналистского режима⁴ (порожденного, как и в ряде других постсоветских государств, «беловежским» механизмом упразднения СССР) к структурным ограничениям институциональной демократии, с одной стороны, и к реальным потребностям консолидации власти в стране — с другой. Политические результаты этого этапа и были предъявлены обществу на завершающем отрезке парламентской кампании 2007 г., когда президент выступил в качестве универсальной консолидирующей силы, монопольно распоряжающейся политическими ресурсами страны и при необходимости делегирующей их другим властным институтам, фактически — поверх рамок формально выстроенной системы разделения властей.

Безусловно, доминирование института президента было закреплено еще конституцией 1993 г., и все последующие выборы федерального уровня в стране весьма эффективно работали на обеспечение политической преемственности персоналистского режима. При этом парламентские выборы всегда предшествовали президентским и всегда имели целью обеспечить победу так наз. «партии власти» (до выборов 2007 г. всякий раз новой или радикально обновленной), которая, под угрозой отлучения от политического ресурса, делегируемого ей президентом, всякий раз выступала в качестве безропотного проводника его политики. Выборы 2007 г. выявили противоречивые тенденции: с одной стороны, продемонстрировав колоссально возросшие возможности президента влиять на ход и результат парламентской предвыборной кампании, а с другой — стремление политического класса найти альтернативный персонализму локус консолидации, —

⁴ Речь идет о принципиально новом феномене российской политической истории. С конца 1991 г. Россия встала на путь развития в рамках формально демократических процедур и институциональных форм. Прежде даже в парламентско-конституционалистский период 1905–1917 гг. принцип и властные прерогативы Самодержавия, стоящего над народом, сохранялись нерушимыми (и пали только вместе с государством, парламентом и конституционными надеждами). Но после 74 лет Советской власти по-прежнему нежелаящих поступиться принципами уже практически не нашлось. Персоналистский режим и стал прагматическим политическим компромиссом между традиционными практиками российского самовластья и базовыми формами современной представительной демократии. В понимании сущности персонализма автор в целом склонен солидаризоваться с М.Красновым, который главным индикатором институционального персонализма считает «не объем президентских полномочий», а отсутствие «...зависимости политического курса от результатов парламентских выборов», и секрет его устойчивости усматривает «в конституционной конструкции, а не в особенностях личности лидера страны и не в особенностях нашего политического мышления», поскольку «институт российского президента так конституционно обустроен, что он объективно понуждается вести политическую борьбу на стороне одной из политических сил... т.е. из субъекта *policy* Президент РФ превращается в субъекта *politics*. Таким образом, ‘-арбитр’ становится одновременно и ‘игроком’» [Краснов 2007: 46–47; 49]. Полагаю при этом отнюдь не праздным вопрос о причинах принятия именно такой Конституции с именно таким решением проблемы обустройства власти в стране.

трансформируя «партию власти» в прото-доминирующую партию⁵. Изменения коснулись и сценария президентских выборов. Прежде это всегда были выборы с назначением «преемника», одновременно с этим статусом получающего и ресурсы персоналистской власти («преемником» мог быть и сам действующий президент, так сказать, сам себя назначающий, как это было в 1996 и 2004 гг.). Но сегодняшняя ситуация, при всем ее типологическом сходстве с предыдущими, имеет важное принципиальное отличие. Если в 1999 г. действующий президент рассматривался как фигура, гарантированно покидающая сферу реальной политики, то в 2007 г. и общество и значительная часть элиты открыто выражали свою заинтересованность в сохранении политического *status quo* в стране. Да и сам действующий президент имел возможность неоднократно и вполне доходчиво довести до сведения всех заинтересованных лиц свое нежелание покидать сферу высокой политики после марта 2008 г. Это и ряд других привходящих обстоятельств позволяют констатировать нынешний глубокий кризис персонализма в России, связанный в первую очередь с отсутствием легитимных процедур его трансляции и восприимства.

ДИЛЕММЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Вступление в электоральный цикл 2007-2008 гг., характеризующийся вынужденной сменой «первого лица» государства, казалось бы, воспроизводило сюжетные линии 1999 г. В преддверие выборов наблюдались признаки раздвоения (раскола) «партии власти» и некоторой поляризации политического класса (или, по крайней мере, экспертного сообщества). Тем не менее «партия поддержки преемника» получила персоналистский ресурс и одержала блестящую победу на выборах. Правда, на сей раз «поддержка преемника» осуществлялась «втемную»: и победившая партия, и ее электорат, и все прочие российские граждане узнали его имя только по завершении выборов. Да это и не было самым важным в текущей российской политике. Важно было то, какой окажется судьба персонализма: как распорядится им действующий президент, по-прежнему по факту обладающий огромным потенциалом популистской поддержки, по-прежнему сохраняющий за собою прерогативу делегирования персоналистского властного ресурса и использующий эту возможность в качестве важнейшего инструмента политики.

Существо интриги достаточно хорошо уловил В.Гельман, в качестве ключевой российской дилеммы 2007–2008 гг. рассматривающий «выбор... только между двумя недемократическими моделями: персоналистской (-при этом не важно, будет ли нынешний президент фактически находиться у руля власти после истечения нынешнего срока или нет) и моделью с доминирующей партией. Вариант же мирной трансформации нынешнего режима в подобие режима конкурентной демократии на сегодняшний день в повестке дня российского политического класса не стоит» [Гельман 2007:

⁵ В отличие от своих предшественниц «Единая Россия» успешно прошла второй электоральный цикл и, более того, проявила способность эффективно управлять политическими амбициями своих лидеров.

551]. С заключительным тезисом нельзя не согласиться, однако по существу дилеммы хотелось бы поставить некоторые дополнительные вопросы. Поскольку, как показывают события декабря 2007 г., ресурсы персонализма по-прежнему остаются в руках В.Путина, какую из этих двух моделей предпочитает действующий президент, и какой политический актер в состоянии противопоставить ему свою контригру?

Вместе с тем, практика российской внутриэлитной предвыборной борьбы показывает, что *до* решения основного вопроса — о *персоне* нового лидера — никакого согласия между элитными группами, вошедшими в состояние предвыборной конфронтации, достигнуто быть не может. Однако все мы имели возможность наблюдать, что накануне парламентских выборов это согласие было достигнуто, при этом весь российский политический класс (за исключением разве что некоторых маргинальных групп) заранее выразил свое согласие с решением действующего президента по ключевому вопросу о кандидатуре преемника, каким бы оно ни было. Так может быть, вопрос о персоне будущего лидера был решен *задолго до* решения вопроса о преемнике? В какой мере в этом случае триумф «Единой России» повышает шансы реализации модели доминирующей партии?

Ответы на все эти вопросы, на мой взгляд, не оставляют серьезных сомнений в том, что персонализм сумел сохранить за собою политическую инициативу и контроль за происходящим в стране и практически уже обеспечил все необходимое для своей трансляции по крайней мере еще на один электоральный цикл.

Вместе с тем, сама постановка вопроса о возможности «самоисчерпания» *персонализма* путем перехода к режиму *доминирующей партии* говорит о том, что институционально-политические трансформации 1999-2007 гг. не только усиливали персоналистский ресурс президентской власти, но и — в процессе укрепления властной вертикали — формировали необходимые предпосылки консолидации обновленной российской бюрократии в структурах «прото-доминирующей партии». Сегодня между нею и реальной властью над страной — всего лишь авторитет действующего президента и «эфемерные» царистско-самодержавные архетипы, сохраняющиеся в традиционалистских пластах массового сознания. Это и было реальным выбором, поставленным перед российским обществом в 2007-2008 гг., — между просвещенной автократией (несколько «неприличной» по критериям современной эпохи «глобальных демократических революций») и новым режимом «коллективного руководства» постсоветской бизнес-бюрократии.

На текущем этапе сторонники модели «доминирующей партии» предпочли тактическое выжидание. Серьезный успех «Единой России» на парламентских выборах не только не побудил ее лидеров попытаться провести собственного кандидата в преемники, но, напротив, вдохновил их на отказ от ранее обсуждавшейся возможности закрепить за собою, как за партией, победившей на выборах, право формировать правительство и назначать премьера. Вопрос о кандидатуре будущего премьера также был заранее решен обладателем персоналистского ресурса. Между тем по-прежнему небезразличным для текущей российской политики (вопреки мнению Гельмана) остается вопрос о том, «будет ли нынешний президент фактически

находиться у руля власти после истечения нынешнего срока или нет»? Практический ответ на него оказывается чрезвычайно критичным для судеб российского персонализма. Если этот ответ — «да, будет», то возникает вопрос, каким образом такая тонкая операция — лишить Президента (когда им станет *преемник*) традиционно присущего ему ресурса властного лидерства и наделить таковым некую иную статусную позицию, по-видимому, председателя правительства РФ, которую-де займет нынешний президент, уйдя в отставку — может быть обеспечена? Если ответ — «нет, не будет», то какой в этом случае предполагается механизм трансляции персонализма и в какой момент он будет задействован (напомню, что в 1999 г. он был запущен более чем за полгода до соответствующих президентских выборов)?

Наконец, резонно предположение, что формальное осуществление трансляции персонализма будет проходить под эгидой реальной Партии власти. Итоговый персонализм в этом случае будет иметь, так сказать, чисто умозрительное значение, поскольку с точки зрения корпоративных интересов российской бюрократии лишь режим «доминирующей партии» остается единственно приемлемым (пробуждая к тому же ностальгические воспоминания о «золотом веке» послесталинской КПСС). Только такой режим представляется гарантирующим ее незыблемое положение доминирующей силы, контролирующей все властно-собственнические ресурсы страны. А период после марта 2008 г. оказывается для нее счастливой возможностью осуществить переход от персонализма к режиму доминирующей партии. Однако, полагаю, для исследователей приоритетен не столько анализ возможностей обеспечения интересов и чаяний российской властной корпорации, сколько поиск объективных аргументов, позволяющих оценить стратегическую реализуемость и стратегические последствия реализации того или иного варианта. Именно в этих вопросах развернутая выше историософская схема может оказаться полезной.

Автор не случайно уделил столь большое место анализу дилеммы *персонализм/доминирующая партия*. В «фазе завершающего рывка» лишь в третьем периоде (при ослаблении автократии и одновременном усилении «автономии» элиты) режим «доминирующей партии» оказывался востребован и относительно эффективен в течение определенного времени. В целом же следует признать во всех отношениях плачевными стратегические последствия правления такого режима в обеих его версиях (1964-1981 гг. и 1985-1991 гг.).

В нынешний четвертый период тем более востребовано лидерство, а стремление к формированию режима «доминирующей партии» с этой точки зрения следует рассматривать как своего рода «исторический фальстарт». В сегодняшних условиях только персоналистский режим способен решить двудеиную задачу этого завершающего этапа «фазы рывка»: до конца реализовать потенциал автономной от общества власти и тем самым разложить основы автократии (т.е. самое себя), а вместе с тем завершить задачу ученичества/заимствования и сформировать, наконец, эффективные и устойчивые и общедоступные каналы взаимодействия с современной глобальной цивилизацией. Так же как эпоха Екатерины II подготовила относительно свободное поколение дворянской молодежи (и позволила

ему выстоять и «выжить» вопреки стремлению Павла I упразднить «вольности», дарованные его августейшими родителями), так и сейчас России необходимо вырастить свободное поколение обеспеченных людей, способных сформировать «из себя» действительно эффективный и ответственный политический класс страны.

Гельман В. 2007. Выбор между двумя недемократическими моделями. — *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. Под общей ред. И.М.Клямкина. М.: «Новое издательство».

Краснов М. 2007. Правовые основы неправового государства. — *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. Под общей ред. И.М.Клямкина. М.: «Новое издательство».

Лапкин В.В., Пантин В.И. 1999. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы). — *Полис*, № 4.

Лапкин В.В. 2002. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития. / Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол). — *Полис*, № 4.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2006. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы (Взгляд из России). — *Полис*, № 1.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2007. Политические трансформации в России и на Украине в 2004-2006 гг.: причины и возможные последствия. — *Полис*, № 1.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. 2008. *Революционное богатство*. М.: «АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ».

Работа подготовлена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-03-00167а)